

Город Счастье

Тридцать лет одиночества семьи, которая просто хотела
ЖИТЬ

Указатель к городу Счастье. Фото: Станислав Красильников / ТАСС

07:07, 23 марта 2026,

Виктория Артемьева

Девочка, шесть лет (скоро семь), танцует посреди гостиной без музыки. Танцует час, полтора. Иногда косится: смотрят на нее или нет. Надо, чтоб смотрели. Хотя даже если бы и не смотрели, она все равно продолжала бы танцевать. Она здесь, может быть, единственный совсем счастливый человек. И почти уже забыла свою маму.

Когда ты вырастешь, станешь, наверное, танцевать меньше. Воспоминания не сделают тебя счастливее, но если ты все-таки захочешь знать, что случилось с матерью, читай. Это тебе.

Чужие среди чужих

Город Счастье блестит на солнце выбитыми стеклами. Фасад бывшего гастронома «Восход» в конце улицы Центральной похож на улыбку человека, у которого повыбивали зубы. В марте 2022-го репортаж The Guardian отсюда, из Луганской области, так и начинался — с фразы «Счастье лежит в руинах» (Happiness lies in ruins). С тех пор радостнее тут не стало.

Радостными остались только названия:

в центре города — улица Мира с зефирным Домом культуры посередине, напротив него — кафе «Радуга». От кафе в нем примерно столько же, сколько в городе Счастье от города, то есть мало:

на самом деле это обычный продуктовый магазин складского типа, но с отдельной каморкой, вход в которую лежит где-то за

развалами овсяных пряников. В каморке — четыре стола без скатертей, восемь стульев, голые стены, прокуренный воздух. Через стену стоит что-то более кафеобразное, но это уже другая история. Говорят, что в январе 2023 года девушка по имени Валентина Давронова приехала отмечать старый Новый год именно сюда, к четырем столам в голых стенах. И отсюда же ее увозил ночью КамАЗ с военными.

Она могла вообще никогда здесь не оказаться — не только в этом кафе, но и в этом городе, и в этой области, и даже в этой стране. Если бы когда-то, когда ей было лет пять, вся семья не собралась и не села на поезд «Ташкент — Липецк».

Это было самое начало нулевых — уже больше 10 лет после распада СССР бывшим республикам приходилось думать о себе вне Союза, искать идентичность, решать, что дает им право на независимость. Они и искали — в разных российских СМИ, особенно сейчас, когда правительство все искреннее выражает свою нелюбовь к мигрантам, часто рассказывают о тогдашнем «геноциде» русских и «гонениях» на них. На деле все зависело от времени и места, но Татьяна Давронова, севшая тогда в поезд до Липецка с дочерью Вале́й на руках, вспоминает, что в жизни в Узбекистане им, русскоговорящим полуукраинцам, приятного и правда было мало. В основном все упиралось в государственный язык: в Узбекистане закон о госязыке приняли в 1989 году, и все, кто всю жизнь говорил по-русски, оказались вынуждены учить узбекский. Делопроизводство в банках и конторах, школы — везде требовалось знание госязыка, и готовы к этому были далеко не все. Татьяна, во всяком случае, готова не была. К тому же некоторые из тех, кто вдруг оказался представителем титульной нации, приняли новый статус слишком близко к сердцу, и даже на рынке попытка спросить цену по-русски просто оставалась без внимания: обращаться к торговкам надо было тоже по-узбекски. Русскоязычные теряли работу, чувствовали себя чужими там, где жили поколениями. «Даже просто идя по улице, — говорит Татьяна, — ты кожей

ощущал ненависть к себе».

Город «Счастье», Луганская область. Фото: Гавриил Григоров / ТАСС

И вдруг донесся зов украинских корней: родственник из Луганска, с которым не виделись 40 лет, пригласил всех вернуться в родную гавань и жить с ним в селе под Счастьем. Всех — это Татьяну с пятилетней дочкой, сестру Татьяны Оксану с подростком-сыном и пожилых родителей. Жизнь в Узбекистане их к тому времени вымотала настолько, что они тут же продали квартиру в центре города, машину и дачу — и оказались на ташкентском ж/д-вокзале.

И сразу поняли, что они такие далеко не одни. Набитый человеческой массой вокзал сутками сидел на чемоданах. Билетов не было, и поезда уходили такими же, как сам вокзал, до крыши заполненными, но сколько бы людей ни уезжало, зал ожидания от этого свободней не становился. Отчаявшись купить билет, они просто пошли к ближайшему поезду в

Россию и там, у дверей вагона, дав проводнику пересчитать табор — шестеро, не считая кошки и собаки лайки («Своих не бросаем!»), — заплатили сколько просил и протолкались к полкам.

Вагон (особенно его запах) Татьяна помнит даже спустя 20 лет: потеющий, трущийся друг о друга плечами, трясущийся двое суток по российским лесам без воды.

Дети и родители спали посменно на багажной полке, поддерживая друг под другом матрасы, чтоб не сползали. Валя спала на нижней полке на руках у старших — те все двое суток провели сидя. Но как ехать, было уже все равно, главное было, чтоб не убили. Они везли с собой все наличные деньги, все, что получили после продажи непосильным трудом нажитого в Узбекистане. И это все еще было то время, когда с таким грузом можно было просто никуда не доехать. Но они доехали.

Чужие среди своих

Доехали — и год плакали об оставленной в Узбекистане жизни. Их встретил заваленный снегом — это в апреле-то — поселок в нескольких километрах от Счастья, больше чем в двадцати от Луганска. Их, горожан, ждали дрова, вода из колодца и 35 соток промерзшего огорода. Но не это было самым слезоточивым — плохи были люди. Гостеприимный родственник, пожив с новоприбывшей семьей два месяца, безвозвратно куда-то уехал, и все шестеро опять остались одни. И все время сравнивали: было — стало. В узбекском восьмиэтажном доме они знали всех соседей — все 124 квартиры. Любая свадьба и любые похороны становились общественным достоянием: во двор выставлялись столы, и все восемь этажей радовались вместе и рыдали вместе

в зависимости от повода. Психология здешних односельчан была другой и укладывалась в формулу из того анекдота: «У соседа хата горит — пойду бензинчика подолью». Так, по крайней мере, им тогда казалось.

Так что жили семейным кланом — заняв оборону и друг за друга держась, осваивая 35 соток, проводя газ и водопровод, празднуя Навруз. А потом наступил 2014 год.

Город «Счастье», Луганская область, до 2022 года. Фото: Гавриил Григоров / ТАСС

Вале тогда исполнилось четырнадцать, и она была типичной дворовой пацанкой — превратилась в нее после смерти деда, который заменял ей отца и был, в общем, строгим воспитателем. В доме не замолкал телевизор, а разговоры старших за кухонным столом его дублировали. Старшие были убежденными «сепарами», и это их отношений с местными соседями тоже не улучшало. «Но мы советские люди, — объясняют они теперь. — Конечно, мы хотели быть вместе с

Россией. Мы же привыкли: 15 республик — нас что, на 15 частей разорвать за это надо?» В общем, в таких условиях и с таким характером Валя почти сразу оказалась активисткой Антимайдана.

Она стала неделями пропадать в Луганске. Сначала — как все, около обладминистрации, потом, когда 6 апреля после очередного митинга пророссийские активисты заняли здание СБУ и построили вокруг баррикады из покрышек и колючей проволоки, — на площади перед ним. Там ее Татьяна обычно и находила. Звонить дочери было бессмысленно — она не брала трубку, дома держать — тоже: один звонок от каких-то невидимых друзей — и за ней захлопывалась дверь. Иногда, правда, звонила сама — не матери, тетке: есть ли такие-то таблетки, такие-то куртки? В апреле на площади было еще холодно, и Валя играла в спасателя, пытаясь обеспечить куртками и таблетками всех, до кого руки дотягивались. Подождав пару дней, Татьяна обычно ехала искать дочь сама. Находила, возвращала, но сутки спустя все повторялось снова. Потом Валя вступила в ополчение.

Комендатуру ополченцы устроили в Счастье — в бывшей школе милиции, во внешнем виде которой сохранилось много от ее барачного прошлого. В начале июня, когда Татьяна снова поехала в столицу теперь уже самопровозглашенной ЛНР искать дочь, ее отправили к воротам этой комендатуры. Внутри не пустили — из-за забора навстречу вышел командир «9-й роты» (так себя называли эти пророссийские ополченцы) по кличке Батя. «Слушай, — сказала Бате Татьяна, — у меня ребенок один-единственный. Я тебя по-человечески прошу: привези ее домой». Батя обещал постараться.

Валя. Фото из соцсетей

И постарался. В ночь на 14 июня Валя, направляемая твердой рукой Бати, стояла на пороге дома. «Забирайте и не отпускайте, если хотите, чтобы она осталась жива, — предупредил он, уезжая. — Будет полный ***». В ту же ночь они услышали какой-то гул — и не поняли, что это едет военная техника. Тогда они по звуку ее различать еще не умели.

14 июня в Счастье вошла украинская армия, и местные СМИ написали, что Батю взяли в плен вместе со всей комендатурой. В тот же день Оксана, тетка Вали, как обычно, поехала в Луганск торговать овощами с огорода — это давно уже стало их семейным заработком. Но на одном из блокпостов около Счастья маршрутку остановили люди в черных балаклавах. Молча проверили все документы, молча осмотрели все сумки и молча развернули машину обратно. Это был первый день, когда стало понятно, что от Луганска они отрезаны. Потом очереди на

блокпостах по дороге к нему стали повседневностью: люди пытались попасть из дома домой, часто безуспешно.

Блокпостов стало много (Оксана видела их чуть ли не через каждые 200 метров), и никто уже не понимал, чьи они. Но в Луганск как-то попадать было надо — не на рынок и не на работу, а к сыну: сын Оксаны Владимир все еще был там, да и у других в городе оставались то пожилые родители, то больные родственники. В очередях сидели неделями — старики и дети, часто без крыши над головой, проводили на улице холодные ночи. Иногда не выдерживали.

Город «Счастье», Луганская область. Фото: Гавриил Григоров / ТАСС

«Какого хрена ты не пускаешь нас к собственным семьям? Какого хрена ты сюда пришел? Я тебя не звала!» — прокричала однажды в лицо пьяному служителю блокпоста женщина, просидевшая в очереди рядом с Оксаной пять суток, держа на руках маленькую внучку. Рассказ о том, что случилось с ней

после этих слов, нельзя проверить, но, как рассказывает теперь Оксана, она долго потом отстирывала со своей одежды брызги чужой крови.

С июля Луганск стал прифронтовой зоной — и начались поиски внутренних врагов. По домам ходили бойцы украинских батальонов — «Золотых ворот», «Айдара»* — и искали спрятавшихся ополченцев, выворачивая наизнанку каждый шкаф.

Однажды вечером Валю впервые забрали на допрос — точнее, попытались забрать: одну, несовершеннолетнюю, Татьяна ее отпускать отказалась. Тогда забрали обеих. Разговаривали довольно вежливо — невежливо стали разговаривать потом, когда еще не раз увозили в неизвестном направлении. И в один из таких разов Валя надолго пропала — так надолго, что пришлось писать заявление о пропаже, — а вернулась с допроса с татуировкой: на шее был наколот трезубец. Рассказ был скупой: сказала, что допрашивавшие, изнасиловав, потребовали доказать верность Украине, а в случае отказа угрожали, что не станет ее семьи. Она подчинилась. Но с этого, как обычно пишут, история только начиналась.

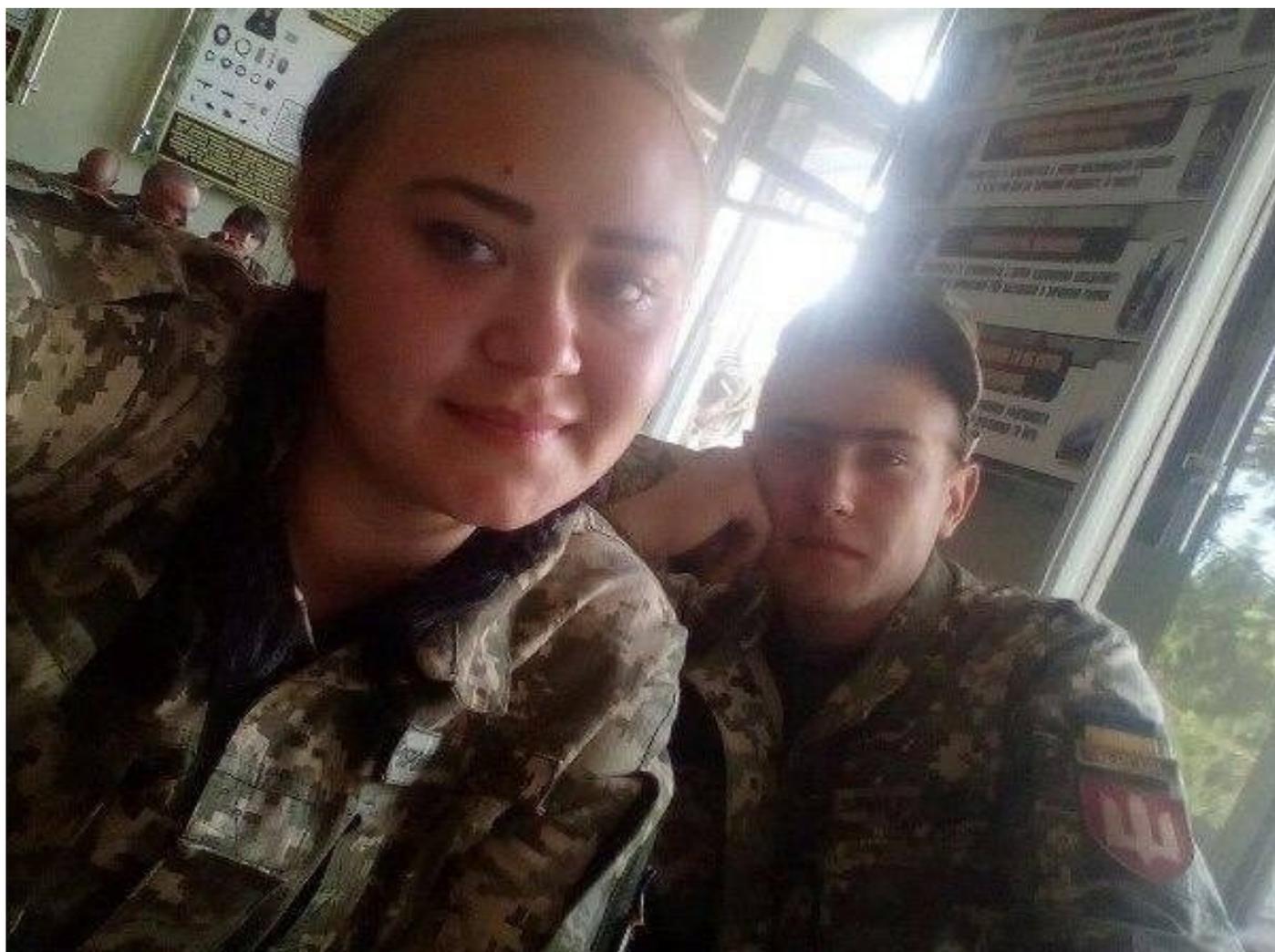
Город «Счастье», Луганская область. Фото: Гавриил Григоров / ТАСС

Ничья

Жить становилось все труднее — не было ни электричества, ни газа, ни воды. Снова пришлось вспоминать, как топить печь, снова закупались дрова. Поселок опустел — еще весной отсюда уезжали и увозили детей, особенно сыновей-подростков. Чтобы не воевать, уезжали в Россию.

Оставшиеся соседи стягивались греться в дом Давроновых — печи были не у всех. Тогда-то наконец их улица отдаленно напомнила дружную узбекскую многоэтажку. И тогда же, поздней осенью, вечером, в темноте, под дождем и снегом им втроем с Оксаной и Валею приходилось, отмораживая руки, пилить во дворе мокрые, слипающиеся дрова. Но пока дочь была дома, выживать было проще. А потом ей исполнилось 18 лет — и ее тут же заставили подписать контракт с украинской армией.

Это тоже была часть акции «подтверди свою верность» — со всеми сопутствующими ей угрозами. Воевать ее, конечно, не отправили — отправили на тренировочный полигон под Одессой, от которого на странице девушки на сайте «ВКонтакте» остались фотки в военной форме и с увесистым венком из полевых цветов на голове. Еще остались мертвые страницы украинских сослуживцев в списке друзей и многочисленные записи с общим смыслом «кто любит, тот первый позвонит». По сути, кроме житейской мудрости об отношениях (семейных и не очень), она ничего и не постила. Никаких лозунгов о независимости каких-то там территорий, никаких флагов — только про любовь и ее отсутствие: на русском и иногда украинском. А потом среди записей оказалась такая: «Говорят, прошлое не отпустить. Но приходит момент после всех предательств и измен. Наступает точка кипения. И вот ты уже СЧАСТЛИВА». В общем, через пять месяцев службы она ушла в декретный отпуск.

Валя в украинской армии прослужила пять месяцев. Фото: соцсети

Дочь назвали Миланией. Но и после ее рождения молодой матери не давали покоя: звонили и спрашивали, когда выйдет на службу. И только после окончания контракта, в 2021 году, она вернулась домой. Не к отцу ребенка (с тем семьи не получилось), а к матери под Счастье. Начала ездить на работу в город и наконец решила, что теперь будет жить спокойно, воспитывая дочку. Долгая счастливая жизнь продлилась меньше года — до 24 февраля 2022-го.

Российскую армию они очень ждали. И радовались, когда февральским утром телевизор известил о ее приходе. Только Татьяна, внимательно посмотрев на дочь, у которой, пока та расчесывала волосы,

открылась обычно спрятанная татуировка на шее, сказала: «Убьют тебя за этот трезубец».

Валя отмахнулась.

Ее забрали на следующий же день. Приехал автобус, военные пошли по домам, постучали в дверь. «Ну ничего, — подумали тогда всей семьей, — проверят и отпустят. Как-никак, свои ведь». Назавтра Валя не вернулась, послезавтра — тоже. Татьяна снова поехала ее искать, и сидящее в Счастыинском отделе полиции лицо — бессменное, одно и то же и при украинской, и при российской власти — сказало прямо: «Можешь забыть про свою дочку. Ты ее больше никогда не увидишь». И снова пришлось стоять на улице и днями ждать, пока ей наконец не сказали, что Валю отвезли в Луганск.

Прошло уже две недели. Был поздний вечер, Татьяна вернулась домой и готовилась укладывать двухлетнюю внучку, Оксана только что подоила коз, мать обеих сестер досматривала по телевизору выпуск новостей. На дворе слышался шум, беготня, крики. «Что вы хотите?» — высунулась из окна Оксана. Освещенные окна высветили толпу в военной форме. «Открывайте!» — приказали они. Никто не был готов открывать дверь в промерзший ночной двор, но выбора не было. И как только Оксана это сделала, вместе с ледяным февральским воздухом ее встретил удар приклада, а в натопленный дом из темноты вломилось орущее месиво цвета хаки. Татьяна успела завернуть внучку в полы своего домашнего халата. Там, прижавшись к бабушке, девочка стояла и тряслась от холода и страха. «Где айдаровец? Где снайпер?» — орали гости.

Счастье, Луганская область. Фото: Гавриил Григоров / ТАСС

Айдаровцем, видимо, по их понятиям была 75-летняя мать, которой они приказали принять упор лежа, а снайпером, наверное, должна была оказаться сама Татьяна, у которой уже много лет на правом глазу белело бельмо — след неудачного замужества.

— Чего вы орете? — закричала она. — У меня ребенок!

— Где ребенок, какой?

Из-за полы халата показалось перепуганное лицо Милании. И только увидев ее, главный скомандовал остальным: «Отбой».

Искали, конечно, Валю — оказалось, был донос на ее армейское прошлое, причем сильно приукрашенный, и, как подозревала Татьяна, сделал это кто-то из гревшихся у их печки. Она ответила, что Валю давно забрали, что найти ее не могут вот уже две недели. И тогда, внезапно показав человеческое лицо — сняв балаклаву, — командир пообещал, что вернет ее домой, собрал своих, вывел из дома, и они уехали. Забрав все Валины документы, все бумаги, все рисунки и все записи. Оставив в

растрепанных комнатах трясущихся от страха женщин и разбросанные на полу детские вещи, по которым много раз прошлись взад и вперед грязные солдатские берцы.

Он и правда вернул ее домой. В один из таких же вечеров, но уже неделю спустя, Оксана, выглянув в окно, увидела подходящую к крыльцу Валю — точнее, то, что от нее осталось. Темная, чешуей сползающая с похудевшего тела кожа, волосы не просто грязные, а такие, какой не могла бы быть самая жесткая мочалка.

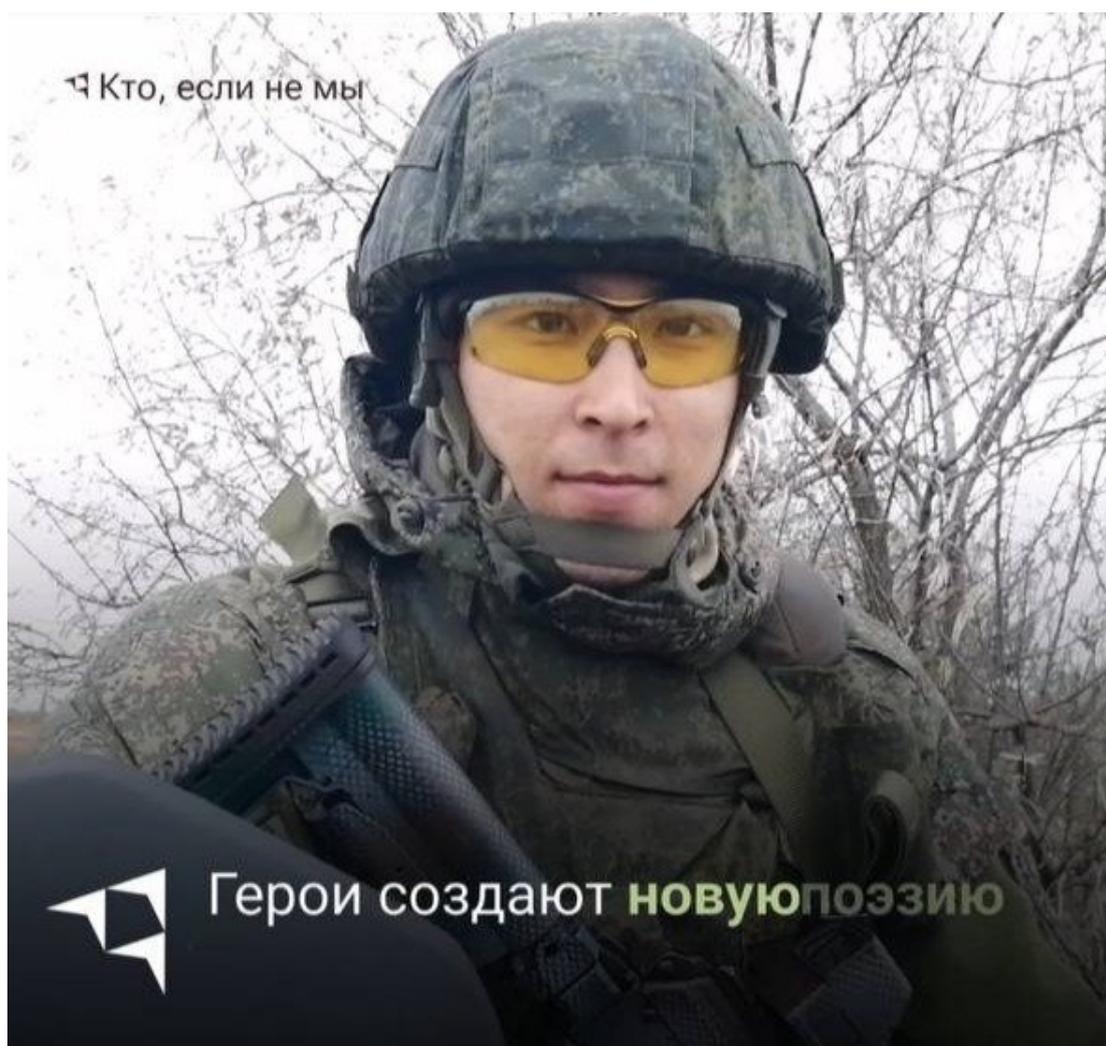
Все это время дочь провела в Луганском подвале, причем в таком, откуда возвращаться не принято.

Про него она рассказывала еще меньше, чем про прошлые приключения, но говорила, что там с утра до ночи по радио на полной громкости звучал российский гимн. «Вы предатели родины, — передавала Валя слова, слышанные там в свой адрес. — Вы должны жрать свое дерьмо». Им и кормили.

Ничьи

На какое-то время их оставили в покое, хотя допросы продолжались, особенно когда Вале зачем-то нужно было выезжать в Россию — за справками или за покупками с Ozon, пункты выдачи у него находились только на российской территории. Как тогда, после 2022-го, так и до сих пор все местные так и говорят: «поехать в Россию» — то есть за границу, за КПП. И если Татьяне этот пограничный контроль удавалось миновать почти безболезненно, Валю там останавливали всегда. И допрашивали с детектором лжи.

И все-таки что-то похожее на мирную жизнь удалось наладить: Валя поселилась в Счастье. Как обычно, собрала вокруг себя толпу друзей и вообще стала наконец чувствовать себя там дома — это был ее город. В этом ее городе, в квартале от того, что когда-то было ее комендатурой, стояло кафе «Радуга». А в этом кафе любили тусоваться российские военные. И среди них — командир парашютно-десантного взвода десантно-штурмового полка 76-й дивизии ВДВ старший лейтенант Айдын Жамидулов.

Айдына Жамидулова в сюжете Министерства обороны РФ называли еще и поэтом. Скриншот видеоролика

Тогда Жамидулову было 28 лет, и был он в некотором роде звездой: во-первых, командир, во-вторых, довольно известного подразделения. Дивизии, чья биография началась еще во времена той самой, Великой Отечественной, посвящена внушительная статья в «Википедии» и гораздо меньшая по объему, зато гораздо более помпезная по содержанию — в

«Рувики». В последней рассказывается о великом прошлом дивизии, о том, как в 2014 году Путин наградил ее орденом Суворова и как она «первой в России перешла на контрактную систему комплектования личным составом». В первой — о том, что именно эта дивизия была в Буче. Но Жамидулову было чем похвастаться и вне своей дивизии — Минобороны записало его в создатели новой поэзии. В соцсетях Минобороны и сейчас висит ролик, на котором герой-лейтенант в полном обмундировании и с автоматом в руках читает стихи собственного сочинения с поистине новаторскими рифмами:

*«Единый народ с древней Руси,
Вкусив сладкую ложь, сошел с колеи.
Братский народ! Откройте глаза,
И радость былая вернется в сердца».*

Новый герой со своей новой поэзией идет в министерском ролике второй очередью — сразу после отрывка из «Победы» Анны Ахматовой. На том же видео Жамидулов рассказывает о том, как в Пскове его ждет семья (жена и двое детей), как любит его и как им гордится.

Пока семья ждала и гордилась, Жамидулов, или, согласно выбранному им поэтическому, Саша Белый, оказался в городе Счастье — в кафе с голыми стенами, в нескольких километрах от пункта временной дислокации своей части. Оказывался он и его боевые товарищи в этом кафе регулярно. И там же познакомился с Вале́й.

Город «Счастье», Луганская область. Фото: Гавриил Григоров / ТАСС

О том, какими были отношения между ними на самом деле, история умалчивает. Семья Вали верит, что не было никаких. Официальная версия описана теперь в материалах уголовного дела, и она банальна: он за ней, она от него, он амбициозен, ей наплевать, он задет и настойчив, она сдаётся, но все равно уходит, он ревнует, она угрожает рассказать все его жене. Возможно, так и было, тем более что к зиме 2023 года у Вали появился настоящий жених — спокойный, уверенный, любящий, гарантирующий ту самую долгую счастливую жизнь, о которой она так мечтала. 14 января она должна была навсегда уехать к нему и из этого города, и с этой ничейной земли. Но перед этим, 13 января, она осталась там встречать старый Новый год.

Она могла просто не поехать в кафе — сидела с подругой дома, когда ей позвонил один из сослуживцев Жамидулова и потребовал прийти. Могла не поехать, и тогда у истории был бы

совсем другой конец. Но поехала, не взяв с собой никаких вещей, даже не накинув теплую куртку, уверенная, что вернется через пару часов.

В кафе ее встретили четверо, примерно через час приехали еще двое. Последней, кто видел ее живой, была случайно зашедшая в кафе подруга. Ей Жамидулов-Белый сказал: «Запомни ее, ты ее видишь последний раз, сегодня она окажется на подвале». Примерно в половине одиннадцатого ночи Валя залезла в кузов военного КамАЗа, и больше ее в городе никто не видел.

Как написано в деле, к военной части подъехали около полуночи. Валю отвели в блиндаж — Жамидулов заранее показал сослуживцам ее фото в форме украинской армии со страницы на сайте «ВКонтакте», так что лишних вопросов ни у кого не возникало: шли разбираться со шпионом. Разбираться в блиндаже оказалось неудобно — Жамидулов отвел ее в солдатскую баню. И когда через час туда вошли остальные, они увидели кровавый пол и сидящего на корточках Жамидулова с ножом в руке, а рядом — лежащую связанной, избитую Валю. То, сколько и как ее били, тщательно пересчитала потом медицинская судебная экспертиза: колото-резаные раны лица — 7, колото-резаная рана шеи — 1, проникающие раны грудной клетки — 4, живота — 4, коленного сустава — 1, правой ноги — 5, левой руки — 2. Одна из ран — в сердце — была смертельной: солдат Дорожкин, тоже находившийся в бане, добил, чтоб не мучилась.

Татьяна начала искать дочь почти сразу — та всегда звонила перед сном, чтоб пожелать Милании спокойной ночи, а в этот день звонка не было. Мама Вали сама нашла все телефоны ее друзей, вычислила позывные знакомых военных. Камеры наружки, висящие прямо над входом в кафе «Радуга», конечно же, всё видели и снимали, но, естественно, видео с них к

моменту востребования успело чудесным образом удалиться. Убийц нашли почти случайно: следователь, проезжая в очередной раз мимо «Радуги», зашел за кофе и обнаружил всех в полном составе сидящими за теми же столами без скатертей.

Тело искали еще дольше. Жамидулов вины не признавал и не признал, остальные не кололись тоже. Не выдержал один из четверых, которые были в кафе в тот день, — солдат с позывным Бугор. Он рассказал всё: кто и с кем говорил, как везли, как убивали и что было дальше. Направляемый им, следователь приехал на улицу Солнечную, в лес недалеко от пункта дислокации части. На этой Солнечной улице тогда, староновогодней ночью, тело Вали обложили гранатами и взорвали. Там его и нашли, прикопанным землей, как мусор, ровно на 40-й день после смерти. А вскоре после этого Бугра обнаружили повешенным в камере СИЗО.

Тело Вали привезли в Счастыинский морг.

Татьяна была готова идти на опознание, но патологоанатом с многолетним стажем сказал: не надо. «Поверьте, — сказал он, — я многое видел в жизни. Такого — еще нет. Вам не надо там БЫТЬ».

Татьяна опознала дочь по фотографиям: по маникюру и по татуировкам.

Сразу после опознания она поехала в Луганск — покупать дочери свадебное платье. Патологоанатом снова попытался ее отговорить: не надо.

— Поймите, мы не сможем надеть на нее одежду.

— Я всё понимаю, — ответила Татьяна и поехала.

Она выбрала лучшее платье из тех, на которые хватало денег, фату, туфли. Все это так — свертком — и положили в гроб. Хоронили в закрытом гробу на местном, Счастыинском кладбище.

Потом было много всего. Были поездки в суды и непонимание, откуда взять столько денег, сколько высасывал процесс, при пенсии в 12 тысяч. Был смех в зале заседаний. «Ну что, пойдете на СВО?» — весело спрашивал подсудимых судья. «Пойдем!» — бодро отвечали они. На скамье их оказалось всего двое — Жамидулов и Дорожкин. «У кого было 10 миллионов, те гуляют, а мы вот сидим», — сказал Жамидулов прямо на заседании, и это слышали и Татьяна, и адвокат.

Поначалу, помимо убийства, Жамидулова и Дорожкина обвиняли еще и в похищении человека, и в надругательстве над телом, но в последний момент обвинение по обеим статьям внезапно сняли. Жамидулова приговорили к 18 годам, а Дорожкина — к 12 в исправительной колонии строгого режима. Свой срок они, скорее всего, не досидят — очень уж хотят воспользоваться возможностью уйти на СВО. Скоро, в начале мая, будет последний суд — Верховный суд РФ. Но Татьяна уже не верит, что он может что-нибудь изменить.

Еще была надежда, что Минобороны возместит хотя бы материальный ущерб, но и она оказалась тщетной. Общий смысл ответа Минобороны на иск был в том, что мальчики не наши: они находились не при исполнении и вообще «добровольно привели себя в состояние алкогольного опьянения». При этом ссылалось министерство почему-то на Закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»: «Военнослужащий или гражданин, проходящий военные сборы, не признается погибшим (умершим), получившим увечье (ранение, травму, контузию) или заболевание при исполнении

обязанностей военной службы, если...» Несложно было заметить, что никто из подозреваемых и правда никаких увечий не получил, но проблема-то все-таки была не в этом.

И еще был день, когда Милания, которой тогда исполнилось уже пять лет и которой никто, конечно, ничего не рассказал, подошла к плачущей на кухне бабушке и вдруг попросила: «Я знаю, что моей мамы больше нет. Можно, я пока тебя мамой называть буду?»

И стала называть Татьяну мамой, а та ее — дочкой. Теперь малышке шесть (скоро семь), и она танцует посреди гостиной без музыки. Девочка теперь боится всех, кто одет в военную форму, и, если видит их на улице или в магазине, тут же прячется за спину Татьяны. Скоро Милании нужно будет идти в школу, но школы в поселке нет, а возить девчущку в школу города Счастье не на чем. Скоро ей нужно будет взрослеть, но у Татьяны просто не хватает денег на то, чтобы показать внучке хоть что-то, кроме речки и огорода. Самое красивое, что Милания видела в жизни, — набережная в Ростове: Татьяна возила внучку в этот город, когда нужно было присутствовать на очередном заседании Южного военного суда. Скоро ей нужно будет жить дальше, а семье постоянно приходят угрозы от тех, кто продолжает служить. «Она — все, что у меня осталось, — говорит Татьяна, глядя на танцующую. — От Вали не осталось ничего: ни документов, ни дневников, ни стихов даже. Своей жизни у меня тоже нет. Я просто хочу, чтобы жизнь была хотя бы у нее».

Видимо, сама Милания хочет того же. Потому что когда ее спрашивают, что ей подарить, она отвечает: «Подарите мне

счастье».

«Материал создан в сотрудничестве с [Центром помощи пострадавшим от домашнего насилия](#). Автор искренне благодарит сотрудников центра за помощь в работе»

* В РФ организация признана террористической и запрещена.